

и наставника, великого кагана нашей земли Владимира, внука старого Игоря, сына же славного Святослава...»

Чувство национальной гордости Илариона проявилось и в том, что он наделил *Владимира* древним тюркским титулом «каган». Титул этот, равный императорскому, носили ранее правители тюркского, аварского и хазарского государств. Иларион называет *Владимира* «каганом», чтобы возвысить его в глазах русских и других народов, напомнить, что он «от славных родился, благородный от благородных», подчеркнуть высокое положение киевского князя среди государей иных стран. «По уму и христоролюбив» креститель Руси уподоблен римскому императору Константину Великому, с именем которого связано признание христианства государственной религией.

Иларион рисует панорамную картину благодатных перемен — на смену Руси языческой пришла Русь христианская:

«Тогда начал мрак идольский от нас отходить и зори благоверия явились. Тогда тьма бесослужения рассеялась, и слово евангельское землю нашу озарило; капища были разрушены, а церкви поставлены; идолы сокрушены, а

иконы святых явились; бесы сгнули, крест города освятил [...] апостольская труба и евангельский гром все города огласили; фимиам, Богу воскуряемый, воздух освятил; монастыри на горах поднялись...»

Взволнованной патетики «Слово» Илариона достигает в последней части — похвале *Владимиру*. Это гимн основателю новой христианской державы, будущему святому равноапостольному князю русской православной церкви. Как магическое заклинание звучит призыв, обращенный к умершему князю, «встать из гроба» и «возрадоваться» плодам своего подвига. Обилие приемов торжественного красноречия придает тексту экстатическую напряженность и приподнятость:

«Встань, о честная глава, из гроба ¹ твоего! Встань, отряси сон! Ибо